

С.В. Шевчук

**ФЕДОР БОГДАНОВИЧ ФИШЕР (1782–1854) —
ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА**

Есть в Санкт-Петербурге место, где в самое темное и морозное время зимой можно погрузиться в удивительно разнообразный мир живых растений. Это место знакомо каждому просвещенному жителю Санкт-Петербурга — это знаменитые и неповторимые оранжереи Ботанического сада, входящего в виде отдела в структуру Ботанического института им. В.Л. Комарова.

История этого места, ныне расположенного среди шумного города, начиналась в далеком 1713 г., когда здесь по указу Петра I был основан Аптекарский огород. Хотя главной задачей Аптекарского огорода было выращивание лекарственных трав для нужд армии и флота, но уже тогда в нем присутствовали «куриозные и чужие планеты». Однако эти «диковинки», в отличие от Кунсткамеры, к сожалению, не предназначались для просвещения обычного рядового горожанина Санкт-Петербурга. Со временем в деятельности Аптекарского огорода, помимо чисто производственных задач, стали все большую роль играть учебные задачи.

В конце XVIII в., а именно в 1798 г., Аптекарский огород переходит в ведение недавно организованной Медико-хирургической академии (теперь это знаменитая Военно-медицинская академия) и называется Медицинским садом. Это уже, в сущности, был ботанический сад, но обслуживал он лишь учебный процесс будущих медиков. Отметим, что на этот момент в коллекции было около 1600 видов растений, что не так уж и мало. В том же 1798 г. под покровительством богатого мецената Андрея Кирилловича Разумовского (1748–1822) «рождается» частный ботанический сад в Горенках под Москвой (ныне это Балашихинский район). Любопытно, что даты образований этих учрежде-

ний и время их значимого существования совпадают. Вот только судьба их разительным образом отличалась. На них в немалой степени в разное время повлияла созидательная деятельность Федора Богдановича Фишера (Friedrich Ernst Ludwig von Fischer).

С самого начала своего существования Горенский сад не испытывал недостатка в средствах, которые не жалел А.К. Разумовский. Всего несколько лет понадобилось для того, чтобы сад получил широкую известность. Надо отметить, что князь Разумовский был не только страстным любителем ботаники и меценатом. Он обладал даром выбирать для руководства садом наиболее одаренных людей, которым оказывал максимальное доверие. Он лично занимался поиском руководителей для своего ботанического сада.

Уже первый директор Христиан Стефан (Cristian Friedrich Stephan (1757–1814)), являясь организатором и научным руководителем сада, придал этому учреждению научный характер. В то же время Стефан возглавлял кафедру химии и ботаники в Московской медико-хирургической академии. Когда в 1804 г. эта академия с последующим слиянием переводится в С.-Петербург, туда же уезжает и Стефан.

Следующим директором и научным руководителем Горенского сада становится в 1805 г. Иван Иванович Редовский (Redowsky Johann (1733–1807)), талантливый ботаник, знавший 7 языков. Коллекция растений в 1805 г. насчитывала уже более 4500 видов, в том числе много редких, едва известных в других местностях Европы. Директорство Редовского продолжалось недолго, так как он в том же 1805 г. принял заманчивое предложение отправиться в Китай в составе посольства графа Юрия Александровича Головкина.

Еще ранее, находясь в Германии, Разумовский подыскивал из числа молодых ученых человека, способного взять на себя управление Горенским садом. Курт Шпренгель (Kurt Polycarp Joachim Sprengel (1766–1833)), директор ботанического сада в Галле (Halle), известный ботаник, рекомендовал Разумовскому Федора Фишера. И так, в 1804 г. Фишер становится заместителем директора, а с конца 1805 по 1822 г. — директором Горенского сада.

Настало время подробнее познакомиться с главным героем нашего повествования.

Федор Богданович Фишер родился 20 февраля 1782 г. в г. Хальберштадте (Halberstadt) в Германии, недалеко от Магдебурга, в семье чиновника. В 1804 г., то есть в 22 года, он заканчивает университет в Галле (Halle) и защищает диссертацию на степень доктора медицины.

Именно там он проявил себя так, что его, тогда еще молодого человека, Курт Шпренгель рекомендовал на столь ответственный пост. Именно при Фишере Горенский сад достиг своего расцвета. Молодой ботаник с большой энергией и знанием дела принялся за устройство сада, оранжерей, установил связи с учеными всей Европы, наладил обмен коллекциями, семенами, командировал лиц для изучения флоры России, обрабатывал коллекции. Владелец сада одобрял все его начинания. При Фишере Горенский сад стал одним из крупнейших ботанических учреждений своего времени. К моменту своего расцвета (1812) обширная коллекция сада насчитывала не менее 7 тыс. видов растений, выращиваемых в открытом грунте и оранжереях. Там были собраны уникальные сибирские и восточные растения. Особенно приезжих интересовала флора Сибири. Из древесного питомника при Горенском саде деревья раздавались всем желающим. Выходил печатный каталог сада. Основу Горенского сада составлял огромный по площади (от 500 до 600 га) английский парк. Оранжереи сада в длину достигали более 1,5 км. Число цитрусовых — 500 экземпляров, ананасов — более 2000 экз. Особую достопримечательность представляла главная оранжерея, восьмиугольная в очертаниях, около 13 м высотой. На участке возле оранжерей был представлен систематический участок, являвшийся новинкой для своего времени. Следует отметить, что ежегодные затраты составляли примерно 150 тыс. руб. ассигнациями.

В это же время в Санкт-Петербурге Медицинский сад существовал в весьма сложных условиях: крайне небольшие отпускаемые на него ежегодные средства, заведование садом возлагалось на человека, с которого не снимались обязанности по преподавательской деятельности. Наверное, из всех заведующих Медицинским садом самые тяжелые испытания выпали на долю Ясона Васильевича Петрова (1780—1850) — профессора ботаники с душой поэта. Бюджетные ассигнования в те годы не превышали 22 тыс. руб. ассигнациями (7 тыс. руб. серебром). Этого было катастрофически мало. И хотя Петрова временами настигали моменты отчаяния, он стойко нес свою нелегкую службу. Безусловно, его усилия были не напрасны. За годы заведывания (с 1809 по 1823 г.), проведенные в постоянных трудах и заботах, Петрову удалось добиться проведения необходимых ремонтных работ, выделения средств (57 тыс. руб. ассигнациями) на постройку двух новых оранжерей, перестройку фасада, починку забора и углубления пруда. Кроме того, также благодаря его настойчивости

был назначен помощник в лице Ильи Протопопова, который привел в порядок гербарий. Отметим, что в 1822 г. была выкуплена часть огромного гербария Стефана. Деятельность Петрова была тем более весомой, что ему удалось удержать «на плаву» Медицинский сад до наступления лучших времен. Не будь Петрова, может быть, Медицинский сад на Аптекарском острове постигла бы та же участь, что и Ботанический сад Академии наук, который в 1812 г. после 77 лет существования был упразднен.

В мае 1823 г. Петров, уже долго болевший к тому времени, ушел в отставку. Очень короткое время до июня 1823 г. исполнял обязанности заведующего садом Илья Протопопов. Именно он, тоже сделавший немало полезного для сада, сдает дела уже не очередному заведующему, а первому директору Императорского Ботанического сада — Федору Богдановичу Фишеру.

Итак, это было начало совершенно нового этапа в жизни учреждения на базе Аптекарского огорода. При этом менялись и форма, и содержание. Почему это произошло?

Столица Российской империи нуждалась в ботаническом саде, не уступающем садам других столиц. К 1823 г. вопрос об организации этого сада был решен окончательно. Доклад министра внутренних дел князя Виктора Павловича Кочубея от 22 марта 1823 г. Александру I «Об устройстве Ботанического сада на Аптекарском острове, с наименованием его Императорским» был утвержден царем.

Надо отдать должное не только патриотичности Кочубея, но и его прозорливости, так как он на должности директора нового Императорского Ботанического сада хотел видеть именно Фишера. На тот момент сам Фишер в качестве директора Горенского сада, как и сам сад, не имел перспектив. Это было связано с тем, что со смертью Андрея Кирилловича Разумовского, последовавшей в 1822 г., сад лишился достаточных финансовых поступлений и был обречен на угасание.

При образовании Императорского Ботанического сада в Санкт-Петербурге предусматривалось приобрести максимально из того, чем располагал ботанический сад в Горенках. Замечательный русский ботаник Евгений Григорьевич Бобров (1902–1983) точно подметил, что самое главное из того, что было приобретено в Горенках, — это сама идея научного ботанического учреждения, его организационные формы и опыт энергичного директора Ф.Б. Фишера.

На время принятия поста директора Императорского Ботанического сада Фишер был в самом расцвете сил. Если говорить о его на-

учных достижениях, которые касались его московского периода жизни, то они были достаточно существенными. Так, он являлся одним из учредителей первого в России Ботанического общества (имеется в виду Горенское фитографическое общество, основанное в 1809 г.). Это общество ставило перед собой чисто академические научно-исследовательские задачи. В 1812 г. оно слилось с Московским обществом испытателей природы (МОИП). С 1819 г. Фишер становится членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду ботаники. С переездом Фишера Санкт-Петербург становится ведущим ботаническим центром России, переняв эстафету от знаменитого Горенского сада.

С преобразованием Медицинского сада в Императорский Ботанический ему были отпущены значительные разовые подъемные средства для приобретения живых растений, семян, гербариев, особые средства на постройки и жилые помещения, а также на сооружение оранжерей. На эти цели за три года было истрачено 560 тыс. руб. ассигнациями. Был утвержден новый штат служащих: директор, два помощника, особое лицо с функциями ученого секретаря, библиотекаря и хранителя коллекций, старший садовник, 12 помощников садовника, 12 садовых учеников, письмоводитель (он же кассир) и живописец. В штате был только один ученый-ботаник — директор, то есть сам Фишер.

Ежегодно на приобретение растений, семян и гербариев стали выделять 6500 руб., на библиотеку — 6000 руб., на ученые путешествия в пределах России — 2500 руб. Нельзя не обратить внимания на последнее; уже с самого начала работы сада ему поручались ботанические исследования в стране. Формально до 1842 г. в обязанность сада вменялась поставка лекарственного сырья казенному аптекарскому магазину.

Отрадно, что к началу 20-х годов были выкуплены семь частных дач, расположенных вдоль Карповки, и занимаемые ими земли существенно увеличили общую площадь Ботанического сада.

Поражает скорость строительства вскоре ставших знаменитыми на весь мир оранжерей. Закладка оранжерей была произведена 26 июня 1823 г., а их возведение в основном завершено к концу 1824 г. Последняя же оранжерея была совершенно окончена в 1826 г. Причем это были уже не деревянные, а прочные постройки, сделанные из кирпича, качество которого тогда было отменным. Расположение оранжерей, представляющее три параллельные линии, связанные на концах

в четырехугольник, сохранилось до настоящего времени. Такая особенность их расположения позволяла, по словам самого Фишера, беречь здоровье работников (при проходе из оранжереи в оранжерею не надо было выходить на улицу). Сейчас это позволяет экскурсантам совершать пусть маленькие, но настоящие путешествия по субтропикам (северное полукольцо) или тропикам (южное полукольцо) нашей планеты. Общая длина новых оранжерей составила 1,5 км (столько же, сколько было в Горенках в период расцвета). Наиболее высокие из них достигали 15 м (выше, чем в Горенках) и располагались посередине каждого из трех параллельных рядов. По-хозяйски Фишер отнесся к одной из оставшихся прежних оранжерей. Она, хоть и деревянная, была капитально отремонтирована и еще около 40 лет служила саду. Вторая оставшаяся оранжерея подлежала сносу, так как находилась на месте, предназначенном под строительство новых оранжерей.

Сооружение обширных оранжерей позволило значительно увеличить число культивируемых растений, в связи с чем Фишер в 1824 г. отправился за границу и побывал в Германии, Франции, Бельгии и Англии. Во время этой поездки он приобрел 2320(!) видов живых растений на сумму около 43 500 руб. ассигнациями. Кроме того, Фишеру было уступлено ботаническими садами около 2500(!) видов из дублетов, что, по его расчету, стоило еще 21 тыс. руб. ассигнациями. Привезенные растения были размещены осенью 1824 г. в новых оранжереях, заняв значительную их часть.

Катастрофическое наводнение 1824 г. нанесло значительный ущерб саду. Холодная вода затопила оранжереи более чем на 1 м. Погибла пятая часть растений. Но уже в следующем году один из садоводов доставил из Франции и Англии 665 видов.

В первые годы деятельности Фишера выделяются определенные характерные участки, в том числе участок местной флоры, культуры овощей (сейчас специально выделенных, отдельных экспозиций такой направленности, к сожалению, нет). О росте коллекций ясно свидетельствуют цифры. Если в 1796 г. было около 1580 видов, то, по сведениям Эдуарда Регеля, в 1824 г. их количество возросло до 5682, в 1830 г. было уже 12 тыс. видов (значительно больше, чем в Горенках во время расцвета), в 1850 г. (год ухода Фишера из сада) — 12 061 вид. По сведениям Владимира Ипполитовича Липского, в 1836 г. коллекция живых растений достигала даже 15 тыс. видов.

Оранжереи сада, уже через несколько лет после ввода их в строй, считались одними из самых богатых в Европе. Растительное богатство

приобреталось из самых разных источников. Конечно, самые ценные экземпляры привозились из мест естественного произрастания растений. Часто петербургский сад был первым, куда попадал такой вид, еще порой не имея ботанического названия, и уже потом он появлялся в ботанических садах Европы. В приобретении растений из мест естественного произрастания важное место занимали суммы, отпускаемые на специальные экспедиционные ботанические исследования. На эти деньги, в частности, оплачивались ботанические путешествия приглашенных лиц. Сам Фишер из-за своей загруженности административной работой не мог позволить себе участвовать в экспедициях, но прилагал максимум усилий для их организации. На этой интереснейшей стороне деятельности сада стоит остановиться подробнее.

Отметим поездку в 1827–1830 гг. А.И. Совича (A.J. Szovits), аптекаря из Одессы, серба по национальности, в Закавказье и прилегающую Персию (в литературе указаны и другие написания имени этого интересного человека: О.И. Сович; О.И. Шович; Иван Осипович Шовиц (Joh. Nepom. Szovits)). Он прислал превосходную коллекцию со множеством дублетов (60 тыс.) гербарных листов, много семян и живых растений. Интересной страницей в истории Ботанического сада этого времени были исследования в Бразилии. Русский консул в этой стране Григорий Иванович Лангсдорф (Georg Heinrich von Langsdorff (1774–1852)), член Академии наук, вел ботанические исследования в бассейне Амазонки с 1821 по 1828 г. Собранные им живые растения были приобретены садом за 25 тыс. руб. В состав этой экспедиции входил друг Лангсдорфа — ботаник Людвиг Ридель. Сад приобрел богатейший гербарий, собранный в эти годы Риделем и содержащий 8 тыс. (!) видов растений. В 1831–1835 гг. Людвиг Ридель вновь плодотворно работал в Бразилии для петербургского сада, причем вместе с садовником Бернгардом Лушнатом. Именно Ридель с Лушнатом заложили в Рио-де-Жанейро ботанический сад, который существовал до 1836 г. и считался филиальным отделением С.-Петербургского Императорского Ботанического сада. В этом филиале выращивалось множество растений, отправлявшихся затем в Санкт-Петербург. Отсюда было получено несколько тысяч горшков с живыми растениями и более 2 тыс. видов в качестве гербария (к сожалению, более подробных сведений о деятельности бразильского филиала петербургского сада мною не найдено). С Америкой, правда, на сей раз с Мексикой и Калифорнией, весьма полезные отношения поддерживал Фишер

через барона Карвинского (Karwinsky Wilhelm Baron von (1799–1855)). Камергер баварского короля Вильгельм Карвинский находился в Мексике с экспедицией с 1840 по 1843 г., субсидированной из России. Непосредственно от Фишера Карвинский получал по 1500 руб. ежегодно. Понятно, что собранные Карвинским коллекции в первую очередь попадали в Петербург. Именно так в России оказались редчайшие растения, в том числе кактусы *Echinocactus rapa* и *E. asterias*.

В 1830 г. по высочайшему повелению императора России отправился исследовать растительность Юго-Восточной Сибири и собирать растения для Императорского Ботанического сада Николай Степанович Турчанинов. Денежные средства на исследования и сбор растений отпускались за счет средств кабинета Его Величества. Турчанинов проводил работы в этой экспедиции до 1835 г. Результаты — великолепная книга “Flora daurica”, коллекция сухих растений (60 тыс. листов) и семян, которыми ботанический сад пользовался для обогащения своих коллекций. Отметим, что Турчанинов был ботаником-самоучкой, он не имел специального образования, а его учителем был Ф.Б. Фишер. Несмотря на загруженность работой, Фишер помогал юному, еще никому неизвестному Николаю Турчанинову определять собранный им гербарий. Скорее всего не без участия Фишера Турчанинов получит в свое время возможность отправиться исследовать Юго-Восточную Сибирь и в итоге станет известнейшим ботаником.

Большую пользу саду принесла и экспедиция Александра Ивановича Шренка (Alexander Gustav von Schrenk (1816–1876)), в ходе которой он в течение 1837–1839 гг. исследовал северо-восток Европейской России. В начале 40-х годов поступили богатые коллекции из Восточного Закавказья, собранные энтомологом, чешским ученым Фридрихом Коленати. Отправляются люди собирать материал и в Северную Америку. В архиве РАН сохранился любопытный рукописный текст инструкции, составленной самим Фишером, с указанием того, как следует производить исследования местной растительности.

Образным, живым языком того времени описывает эту сторону деятельности ботанического сада один из его директоров — Эдуард Регель. «Натуралисту Венедикту Павловичу Егеру, отправившемуся в 1827 г. на остров Гаити (видимо, Гаити), были отпущены средства в этом году 500 руб. ассигнациями и впоследствии 600 руб. ассигнациями на сбор для сада растений и семян, которые им и были высланы».

ны в сад. <...> Федору Ивановичу Базинеру, назначенному по части естественных наук в члены Миссии, отправленной от Азиатского департамента в 1842 г. в Хиву, также было поручено Ботаническим садом собирать для него произведения растительного царства с выдачей ему известной суммы денег для покрытия издержек по сему делу. Вследствие того Ботанический сад по возвращении Ф.И. Базинера в 1843 г. получил полную коллекцию растений, встреченных в означенном краю, которые путешественником и были обработаны».

Следует отметить, что Ботанический сад несколько раз отправлял за свой счет и садовников в разные места для сбора живых растений и семян. Так, в 1828 г. был отправлен в Черниговскую губернию садовник Карл Либер для сбора орхидных *Cypripedium macranthum* и *C. guttatum*.

Уже с самого начала деятельности Ф.Б. Фишера в Петербургском Ботаническом саду им были организованы корреспондентские связи со многими людьми в России и зарубежных странах, которые доставляли в Ботанический сад коллекции засушенных растений и семян. Ф.Б. Фишер 40 лет (!) находился в переписке с известнейшим ботаником финского происхождения, создателем Никитского ботанического сада в Крыму Христианом Стевенем (Christian von Steven (1781–1863)). Также в числе его корреспондентов были Федор Васильевич Геблер (Friedrich-August von Gebler (1781–1850)) с Алтая, Франц Андреевич Гефт (Hoeft (1797–1844)) с Кавказа, краеведы-натуралисты братья Александр и Николай Уфтяжаниновы из приграничной с Китаем Кяхты и многие другие известные ученые и простые любители-естествоиспытатели. Поддерживались плодотворные отношения и с корреспондентами из далеких Южной Африки и Гаваны, а также, конечно, и из стран Западной Европы.

Очень значительным приращением гербария было приобретение в 1832 г. коллекции профессора Карла Мертенса (Franz Karl Mertens (1764–1831)), содержащей около 35 тыс. видов, а в 1841 г. — Генриха Шрадера (Heinrich Adolph Schrader (1767–1836)), заключавшей около 10 тыс. видов.

К концу 40-х годов Ботанический сад под руководством Фишера достиг общеевропейской известности, обладал едва ли не крупнейшей в Европе коллекцией живых растений, вел изучение флоры России экспедиционным путем и начал активную обработку доставляемых гербариев. В это время в саду были начаты широкие флористические работы, определившие важнейшие направления его последующей

научной деятельности. С 1834 г. издается перечень семян, предлагаемых в обмен (“Index seminum”, “Delectus seminum”). Сейчас многолетнее издание представляет огромную научную и практическую ценность, так как достаточно четко отражает состояние конкретных испытываемых видов растений в течение почти двух веков. По делектусам можно, например, достаточно полно судить об общей устойчивости этих видов в условиях Петербурга. В этих же перечнях семян ботаники получили возможность публиковать научные труды небольшого объема.

Выдающимся достижением в деятельности сада под руководством Фишера можно назвать создание превосходной специализированной библиотеки, основу которой составили собрание проф. Стефана и Горенская библиотека. Библиотека в 1850 г. состояла из 3944 сочинений в 8494 томах. Объем гербария был настолько велик, что позволил вести серьезные научные исследования по систематике высших растений.

По объему плодотворной энергии с Фишером могут сравниться немногие, даже весьма известные ботаники. Из ученых XX в. мне такой личностью видится Николай Иванович Вавилов.

Несмотря на уже накопленный солидный опыт, Фишер никогда не упускал возможности углублять свои познания. Так, неоднократно выезжая в Европу, он помимо приобретения растений изучал передовой опыт содержания и построения растительных коллекций в местных ботанических садах.

Надо отметить важную черту, характеризующую Фишера как гражданина. Это глубокое чувство ответственности перед обществом. Его особая энергия была направлена на то, чтобы достижения ботанической науки «перешли ограду Ботанического сада» и активно включались в развитие общественного прогресса.

В связи с этим вспомним идею Фишера о создании Ботанического сада за Уралом, идею, которую он на протяжении всей своей деятельности на посту директора пытался воплотить в жизнь. И ему удалось этой идеей вдохновлять смелых и отважных ботаников, которые отправлялись в далекие, тогда еще дикие края. Уже будучи директором Императорского Ботанического сада в Петербурге, Фишер возвращается к этой идее. Новые попытки относятся к 1828 г. Обучавшийся в Павловске в садах императрицы Марии Федоровны садовник Ф.Е. Ридер (по другим данным, Егор (Johan Georg) Ридер) заявил о своем желании ехать на Камчатку. На заведение казенного сада

и содержание садовника на полуострове казна ассигновала 3840 руб., а на разъезды по Камчатке с целью изучения растительности и проведения сборов — 800 руб. Ридеру по инструкции, составленной Фишером, следовало не только заняться устройством казенного сада, полным и подробным описанием флоры Камчатки и Курильских островов, но и обучать садовому и огородному искусству местных жителей. В 1829 г. был одобрен план строительства стеклянной оранжереи в Петропавловске в месте предполагаемого ботанического сада. Даже в 1831 г. для этой цели из Петербурга были отправлены стекла. Технические причины помешали возведению оранжереи. Все же Ридер делал от него все зависящее для распространения огородничества, опыта земледелия и плодового садоводства. Он также собирал камчатские растения и присылал их в Петербург. Так, в 1830 г. в Петербург были отправлены 287 видов растений, собранных Ридером на мысе Лопатка. Может быть, Ридеру удалось бы со временем сделать значительно больше, но в 1833 г. его жизнь оборвалась.

В 1834 г. на Камчатку отправляются А. Пленц с двумя помощниками, но и им не удается продвинуть устройство ботанического сада. И все же Фишер не сдается, и в конце 1840 г. «покорять» Камчатку отправляется прусский агроном Иоганн Кегель (Johann Karl Ehrenfried Kegel). Осенью 1841 г. Кегель прибыл на полуостров, но и ему не удалось построить оранжереи, хотя он прилагал максимум усилий для выполнения возложенной на него миссии. Он, однако, проводил немало опытов по посеву зерновых и овощных культур. Кегель пробыл на Камчатке до 1847 г., принеся немалую пользу в деле развития сельскохозяйственной практики данного региона. Ботанический сад тогда на Камчатке так и не удалось создать. Причины этого не только экономические. Законопослушные посланцы на Камчатке оказывались в условиях, где существовали «свои законы», отличные от столичных. Часто посланцы и местная власть не находили общего языка.

Об удивительной интуиции Фишера говорит тот факт, что современная география размещения ботанических садов за Уралом в значительной степени совпадает с той, которая была им предложена задолго до этого.

Хотелось бы также отметить и такую полезную деятельность Фишера, как испытание сортов хлебных культур. Еще задолго до появления Института прикладной ботаники (родоначальника знаменитого ВИРа) в Императорском Ботаническом саду в 1836 г. Фишер вместе со своим учеником и соратником Карлом Мейером (Carl Anton von

Meyer (1795–1855)) проводил хотя и не столь масштабные, но все же очень нужные сравнительные испытания основных сортов ячменя, ржи, пшеницы и овса. Задача этих исследований заключалась, по словам самого Фишера, в том, чтобы «приобрести точное познание известных хлебных растений и определить степень постоянства их разных признаков. Вместе с тем, однако же, желательно обратить внимание любителей сельского домоводства на лучшие сорта ниворослей и возбудить раздачею семян охоту к деланию опытов». Фишером и Мейером было проведено сравнительное испытание 57 сортов хлебных культур с последующим их разделением по пригодности в условиях Петербурга. Например, характеризуя такой сорт пшеницы, как *Triticum tricocon aristatum*, Фишер отмечал, что она «плодородна и прекрасна». Напротив, сорт овса *Avena chinensis* «посредственен».

Безусловно, полезной и новаторской можно назвать печатную работу Фишера «О живых изгородах», посвященную, говоря современным языком, изгородям из живых растений. Фишер отмечает в начале работы, что при устройстве деревянных заборов «крестьянин не жалеет на это употребление прекраснейших деревьев», а также что эти заборы порой «представляют чрезвычайно неприятный вид и требуют беспрерывных исправлений». Далее Фишер предлагает весьма простой альтернативный вариант, а именно — «заменить дощатые заборы живыми изгородями». Фишер отмечает, что, помимо главных преимуществ, «они придают садам и полям веселый, приятный вид». В работе даются рекомендации по устройству живых изгородей с указанием наиболее пригодных для этого древесных пород. Хотя работа написана еще в 1836 г., ее следовало бы почитать современным «любителям» заборов. К сожалению, у нас до сих пор для устройства живой изгороди из боярышника практически не используется боярышник однопетичный (*Crataegus monogina* Jacq), один из рекомендованных Фишером. А ведь этот вид совершенно не страдает от мучнистой росы, грибной болезни, от которой почти все виды боярышника летом имеют неопрятный вид.

Наконец, не потеряла свой актуальности и работа Фишера «Деревья и кустарники, способные к разведению в окрестностях С.-Петербурга», написанная им уже после ухода из Ботанического сада. Этот труд — своеобразное подведение итогов интродукции древесных пород, испытывавшихся в условиях довольно сурового климата Петербурга. Обозначая актуальность своей работы, Фишер говорит: «Часто слышатся жалобы на то, что в окрестностях С.-Петербурга разведение

деревьев и кустарников по паркам и садам так ограничено суровостью климата, что мы невольно обречены видеть вокруг себя самое утомительное единообразие». Далее Фишер предлагает воспользоваться результатами интродукционного испытания. Он отмечает, что «число древесных растений, которые могут вынести суровость нашего климата, простирается более, нежели до трехсот пород, как видно из прилагаемого ниже списка». В этом списке мы найдем и те, что сейчас прочно вошли в современный ассортимент, но есть и такие, которые по непонятным причинам практически «не вышли» за ограду ботанического сада. Они очень редки даже на приусадебных участках, не говоря уже о территориях общественного пользования. В качестве примера среди наиболее редких, но при этом декоративных растений можно отметить представителей рода рододендрон: р. желтый (*Rhododendron luteum* Sweet.), р. кавказский (*R. caucasicum* Pall.), р. ржавый (*R. ferrugineum* L.), р. жестковолосистый (*R. hirsutum* L.), р. даурский (*R. dauricum* L.) (возможно, что имелась в виду именно вечнозеленая форма р. даурского, которая теперь выделена в отдельный вид — р. Ледебера (*R. ledebourii* Pojark.) — и которая, в отличие от листопадной формы, обладает хорошей устойчивостью в условиях Санкт-Петербурга), р. камчатский (*R. camtschaticum* Pall.), р. золотистый (*R. aureum*. Georgi), р. канадский (*R. canadense* (L.) Torr.).

Фишером были описаны сотни новых видов, чаще всего в соавторстве с Карлом Мейером, а также два рода. Среди описанных видов есть весьма значимые, например красивейшая ель Шренка (*Picea schrenkiana* Fisch. et C. A. Mey.) Некоторые виды Фишером хотя и не описаны на правах первенства в ботанической литературе, но к их выделению он имел непосредственное отношение. Это касается, например, дуба монгольского (*Quercus mongolica* Fisch. ex Turcz.). Рудольф Эрнстович Траутфеттер (Ernst Rudolf von Trautvetter (1809–1889)), который работал помощником директора Императорского Ботанического сада, то есть Ф.Б. Фишера, с 1835 по 1838 г. и знал Фишера близко, изображает его как «...человека даровитого, обладавшего прекрасным систематическим глазом и памятью. Он был большой знаток растений, которых на своем веку видел множество».

Фишер написал 76 работ. Он был членом-корреспондентом Императорской Академии наук, Императорского Харьковского университета, членом Московского общества испытателей природы и многочисленных отечественных и зарубежных научных обществ. Помимо немецкого и русского языков, знал английский, французский и ла-

тынь. О его семейном положении известно мало. Фишер женился поздно, так как в возрасте 46 лет был еще холост. В возрасте 52 лет был уже женат, но детей не имел. Дальнейших сведений мне найти не удалось. За служебные заслуги Фишер был произведен в действительные статские советники, что давало право на потомственное дворянство. Он был также кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени.

В 1847 г. «по саду было обнаружено неправильное счетоводство», то есть в сундуке, где хранились деньги, была обнаружена недостача в сумме около 6 тыс. руб. серебром. Была назначена особая комиссия для ревизии. Дело затянулось. Следствием стал уход Фишера со службы в 1850 г. Причем увольнение со службы было регламентировано указом императора России. На основании предписания от 4 августа 1850 г. действительному статскому советнику и кавалеру Ф.Б. Фишеру была выдана квитанция в том, что от него старшим помощником директора Карлом Мейером принят Императорский Ботанический сад «со всеми к оному принадлежностями» по следующим описям:

1. Денежная касса на сумму 64 931 руб. 11 коп.
2. Библиотека, состоящая из 3944 соч. в 8494 томах.
3. Травники, состоящие из 50 тыс. различных видов.
4. Каталог живых растений, состоящий из 12 тыс. видов, которые находятся в роскошном состоянии» и т.д.

После прекращения дела начетов решено было не взыскивать. Наиболее суровое в этом отношении распоряжение касалось также уволенного надворного советника А. Безсонова, которого было решено «за беспорядки никуда впредь на службу не определять».

Думаю, что к Фишеру в полной мере можно отнести высказывание Н.И. Вавилова, сказанное в адрес знаменитого французского ботаника-интродуктора Луи Трабю: «Науку <...> двигают труженики, что в значительной мере этот труд является бескорыстным, во всяком случае ни в коей мере не покрывающийся эквивалентом результатов, приносимых этой научной работой». В течение 1847–1850 гг. Фишером не было написано ни одной работы. В этом, безусловно, сказались неприятности на службе. После ухода с поста директора Императорского Ботанического сада Ф.Б. Фишер, немного отдохнув, снова оказался на государственной службе, значительно более спокойной, чем предыдущая. Он до конца своей жизни являлся совещательным членом Медицинского совета в Министерстве внутренних дел. Не стало Ф.Б. Фишера 5 июня 1854 г.

После ухода Фишера с поста директора в Ботаническом саду дела пошли не лучшим образом. Это выразилось, в частности в том, что вскоре стала искусственно тормозиться научная деятельность сада в угоду практическому садоводству. Такой неоправданный перекокс грозил тем, что сад мог потерять статус центра ботанических исследований страны. Только с возвращением в сад в 1864 г. Рудольфа Эрнстовича Траутфеттера и принятием им поста директора в 1866 г. положение было исправлено. Траутфеттер, который когда-то был помощником Фишера, не только вернул былую научную славу Императорскому Ботаническому саду, но и утвердил окончательно его статус центра ботанических исследований России.

Ф.Б. Фишер был личностью планетарного масштаба, для него не существовало границ. За кратчайшие сроки он сумел собрать в Императорском Ботаническом саду богатства растительного царства со всего мира. Об этом мы не должны забывать.

1. *Белоножка Ю.А.* Страницы истории отечественной ботаники // Природа. 1980. № 4. С. 94–100.

2. *Бобров Е.Г.* Сад в Горенках и последние годы сада Академии наук // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 25–31.

3. *Бобров Е.Г.* Ботанический сад (1801–1916) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 32–80.

4. *Вавилов Н.И.* Пять континентов. М., 1962.

5. *Гапон В.* Лейхтенбергия? (Богарне, Хукер, Карвинский и другие...). Ч. 2: Фон Фишеры, князь Сальм-Дик, граф Разумовский, барон Карвинский // Кактус-клуб. 2001. № 6. С. 42–50.

6. *Липский В.И.* Исторический очерк // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Пг., 1913. Ч. I. С. 9–378.

7. *Липский В.И.* Биография и литературная деятельность // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Пг., 1913–1915. Ч. III. С. 1–536.

8. *Регель Э.* Путеводитель по Императорскому С.-Петербургскому Ботаническому саду // Труды Императорского С.-Петербургского ботанического сада. 1873. Т. 2. Вып. 1. С. 1–305.

9. СПФ РАН. Ф. 151. Оп. 151. Д. 72.

10. *Фишер Ф.* О живых изгородах. СПб., 1836.

11. *Фишер Ф.* Деревья и кустарники, способные к разведению в окрестностях Санкт-Петербурга // Журнал МВД. 1872. Т. 40. Кн. 12.

12. *Фишер Ф., Мейер Л.* О ниворослях, которые были разводимы в Императорском Ботаническом саду в 1836 г. СПб., 1837.

13. *Fischer F.E.L.* Index plantarum Anno MDCCCXXIV (1824) in horto botanico Imperiali Petropolitano vigentum // Petropoli. 1824.

14. *Fischer F.* Catalogue du jardin des plantes de son excellence monsieur Le comte Alexis de Razoumoffsky a Gorenki. M., 1812.

15. *Trautvetter E.R. von.* F.E.L. von Fischer und seine schriften // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalisten de M., 1865. T. XXXVIII. № II. C. 585–595.